

С дыркой и без дырки

В Москве прошли концерты Кенни Гарретта

Почти одновременно с Уильямом Клинтонем в России побывал с гастролями другой американский альт-саксофонист. Кенни Гарретт, которого называют «золотым саксофоном» Америки, посетил Москву проездом из Нижнего в Харьков.

Роман ВОЛОБУЕВ

В московском «Ле Клубе» в дни выступлений Гарретта за вход брали около тридцати долларов вместо обычных трех, но никто не ругался. Столичная концертная публика явно делится на тех, кто не знает, кто такой Кенни Гарретт, и тех, кому не жалко 30 долларов за то, чтобы поглядеть на лучшего саксофониста на свете. Пришли преимущественно последние, потому и разочарований не было. Гарретт своих 30 долларов стоит, как стоит их Николай Басков или Ванесса Мэй.

Кенни Гарретту 40 лет. Он родился в Детройте, его отец был джазменом, и первый саксофон, на котором Гарретт учился играть, был старый папин — с аккуратно заваренной дыркой от пули. Еще тинейджером, в конце 70-х, Гарретт начал выступать с легендарным оркестром Дюка Эллингтона, которым сейчас руководит сын Эллингтона Мерсер. В семнадцать лет он играл вместе с Майлсом Дэвисом. Говорят, тогда на первых двух концертах Гарретту забыли подключить микрофон, он дудел беззвучно и как-то почти свылся с таким положением. А когда на третий вечер микрофон

Золотой саксофонист Америки Кенни Гарретт

вдруг заработал, старик Дэвис обернулся с круглыми от изумления глазами и нечеловеческим голосом воскликнул: «Что?!» В том смысле, что круто парень дудит.

Гарретт проработал с Дэвисом до конца 80-х и весьма успешно начал сольную карьеру. Он бесменно лидирует в джазовых чартах, хвалебные отзывы о нем печатают даже журналы Rolling Stone, где в принципе джазменов как-то не очень. В 1997 году он был номинирован на «Грэмми» за альбом «Songbook», составленный из собственных сочинений.

То, что делает Гарретт сегодня, как нельзя лучше укладывается в определение «современный американский джаз», в котором контрольная полоса между собственно джазом и дистиллированным коммерческим соулом давно за топтана толпами перебежчиков.

Вообще, саксофон — инструмент по природе своей довольно поповый и пошлый, вечно норо-

вющий исторгнуть из себя что-нибудь, чему место не на сцене приличного джаз-клуба, а на болгарском сборнике «Sax for sex» или «Romantic collection». Потому удел музыканта — укрощать его, ежеминутно изгоняя из инструмента океанный поповский дух. Занятие это нелегкое и для здоровья небезопасное, что подтверждают примеры саксофонных гениев — Чарли Паркера, Джона Колтрейна, который обращался со своим саксофоном как с «калашниковым», разве что об колленку не обламывал, и даже миролюбивого и душевного Джонни Ходжеса, которого Гарретт, кстати, называет в числе людей, сильно повлиявших на его стиль игры.

Сам Гарретт в экзорцизме не слишком преуспел — да, похоже, и не сильно старался. Он технически и стилистически безупречен, аккуратен и доходчив в импровизациях, но именно эта точность и просчитанность во всем и мешает заходиться в экстазе по его поводу. Это как с Оскаром Питерсоном: вроде виртуозный пианист, умница, классик, играет, как будто у него на руках 20 пальцев, а все равно такое ощущение, что слушаешь звуковую дорожку к какой-то звуковой голливудской высокобюджетке.

Раньше бы сказали: «Этот парень играет как белый». Но сегодня не 30-е, фразы подобного рода говорить не принято, а если кто по неотесанности и скажет, это вряд ли приведет к поножовщине со стрельбой. Наверное, потому в новом золотом саксофоне Кенни Гарретта и нет дырки от пули.

Известия - 2000. - 5 июня. - с. 6.